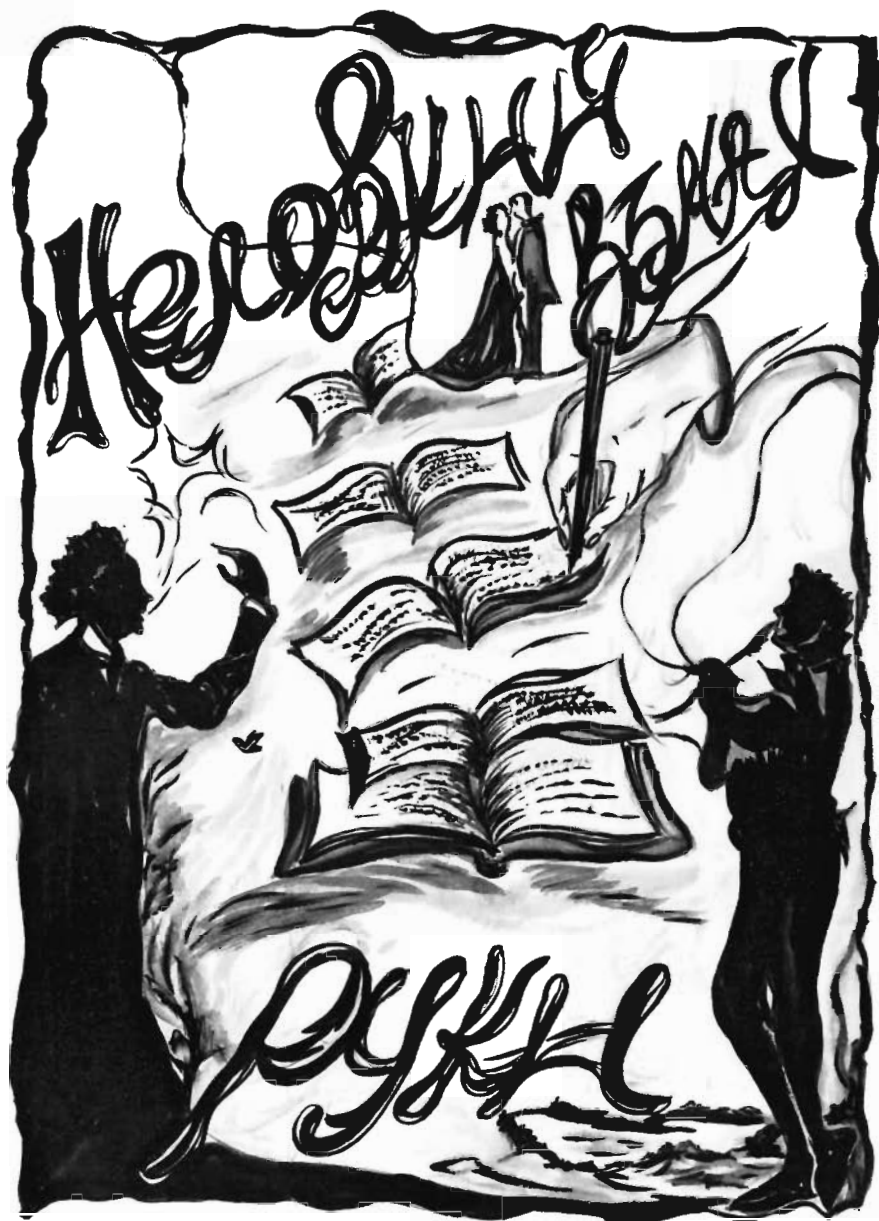

84p6 12
E 69

Владимир Еранов

Приложение №3 к литературному альманаху "Образ

ББК 84Р6(253.3-4Кем)
Е69

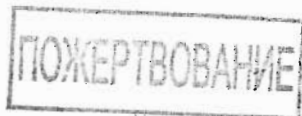
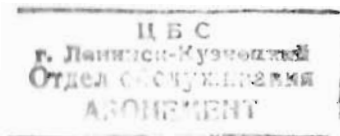
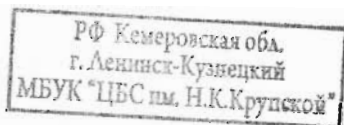
102 608 (1)

Еранов В.Е.

Е69 Неловкий взмах руки: книга стихотворений /
В. Еранов; Омск: Синяя птица, 2018г. – 56 стр.

ББК Е69

© В.Е. Еранов, 2018
© Отпечатано
ООО «Синяя Птица», 2018

**ПОЭТ
НЕ ПОХОЖ
НА ПОЭТА**

Провинциальные поэты

Все мы прошли через это:
дружба, размолвки, вражда,
споры, обиды, обеты
больше не пить никогда.

Как припадали по-русски
мы, не кривясь, к стопарю!
- Что же ты пьёшь без закуски?
- Лучше уж я закурю.

Гении русской глубинки,
кто бы из нас после двух
ночи сказал без запинки
что-нибудь внятное вслух!

Так мы спивались, глупели,
скупно писали порой
что-то и на две недели
вновь уходили в запой.

Что это - кара? забава?
промельки жизни иной?
Видимо, деньги и слава
нас обошли стороной.

Что же теперь убиваться?
Думаю, хватит на нас
книг, гонораров, ований.
Дар нам — лишь только аванс!

Только никто здесь не внемлет
мне, ведь спиваться в глуши
стало в последнее время
правилом русской души.

В рабство традиция эта
всех у меня забрала
лучших друзей...

Живёт у нас поэт в Сибири,
как схимник, хмур и нелюдим.
Я говорю: «Он – лучший в мире,
мы бесталанны рядом с ним.
Другой с таким бы дарованьем
давно прославился, но тот
вздыхает, лёжа на диване,
и тут же, не вставая, пьёт.

Ему б жениться, что ли, или
хотя б с лица щетину сбрить».
Но он твердит: «Поэты – пили.
А я – поэт. И буду пить».
От этой логики железной
мне тошно делается, ведь
его никто не видел трезвым
и он не думает трезветь.

Иной таким же был в начале,
а после – вынут из петли.
Кого-то еле откачали,
кого-то всё же не спасли.
И этот, если не завяжет
с загульной жизнью, кончит так.
Но он не верит мне и даже
ворчит: «Раскаркался, дурак!»

Я говорю: «Зачем Ты, Боже,
смутил его, вручив Свой дар?
Им пренебрёг поэт!.. Я тоже
Твой дар едва не промотал.
И к тридцати остался с чем я?
Недужна плоть, к спиртному слаб.
...Поэт районного значенья,
не переросший свой масштаб».

Когда-нибудь и я умру.
 Мне будет весело. Вам – горько.
 Не хмурьтесь. Помяните. Только
 не похмеляйтесь поутру.
 Я сам был выпить не дурак,
 когда к тому был случай, повод,
 но, как подсказывает опыт,
 избави Бог вас пить с утра.

Когда-нибудь и я умру,
 как жил, без распрей, склок и споров,
 к большой печали кредиторов,
 мной оставляемых в миру.
 Вот будет смеху: наблюдать,
 как, с горя спятив, станут клясться,
 бурча, мои заимодавцы
 мне, всё простив, за всё воздать.

Когда-нибудь и я умру,
 меж двух миров сотру границы,
 поклявшись вскоре возвратиться
 в свою сибирскую «дыру».
 И, давши слово, как нару-
 шить я посмею это слово?
 ...Мне суждено вернуться снова
 в тот мир, в котором я умру.

Заскользил лучом рассвет
с подоконника по стенам.
Как Обломов, в цвете лет
я лежу в своей постели.

Лень лежать и лень вставать,
лень работать, лень лениться.
Подо мной скрипит кровать
сеткой ржавой, как в больнице.

Мысли вертятся в мозгу,
как чужие, еле-еле:
я сумею... я смогу...
я уже встаю с постели...

Ну, живей давай: ать — два! —
соберись же: три-четыре!
Закружилась голова —
мебель
 скачет
 по
 квартире!

Так ни неможен, ни бодр,
не здоров, но и не болен,
я лежу который год,
сам беседуя с собою.

Подпираю взгляд стеной.
Простыня щекочет пятки.
Крошки хлеба под спиной.
Голова как после пьянки.

Ну, приехали – кажись
ты хандришь сегодня, дурень,

а ведь толком не пожил,
даже след в литературе

не оставил. Хватит ныть!
Всё, соскакиваю разом!..
Летаргические сны
очаровывают разум...

Эй, уже пора – подъё-ом!
Лежебока, дрыхнуть хватит!
Утро солнечным лучом
заскользило по кровати.

С точки зрения буддизма
в жизни смысла нет: родиться –
всё равно, что умереть:
всяк свободы жаждет, ибо
в этом мире он – как рыба,
кем-то пойманная в сеть.

Неподвижность – лучший способ
отрешиться от вопросов
о загадках бытия.
Кто б ты ни был – скальд, философ, –
сядь, как Будда, в позу «лотос»,
отстранись от власти «я».

Сделай плавно вдох и выдох,
жизнь – не дар, и смерть – не выход
из сомнений тупика.
Глуп ли ты иль мудр, как старец,
в мироздании твой статус –
быть не выше дурака.

Точку зренья эту, может,
разделил бы я – и тоже
сбросил груз своих забот,
только дело не в заботах,
ибо мне *и н о е* что-то
всё покоя не даёт...

Лечение психоанализом

В лечении расшатанных нервов
нет лучшего средства, наверно,
чем максимы Фрейда и Берна,
что шанс дарят каждому на
успех в достижении прогресса
в борьбе многолетней со стрессом,
с потерей покоя и веса,
с расстройством здоровья и сна.

И я – их прилежный читатель –
молюсь им теперь: Бога ради
спасите меня, ибо сладить
с собой не могу я – невроз
замучил, проклятый, нет силы,
ну хоть обувайся в бахилы
и сам на плечах до могилы
тащи тяжеленный свой гроб.

С собою весь день, как лунатик,
хожу и беседую: хватит
хандрить, а иначе в палате
окажешься – номер шестой,
где будешь на жёсткой кровати
валяться в больничном халате,
ведя разговор о медбрате
с влюблённой в него медсестрой.

В моих подсознания глубинах
такие – о Боже! – картины,
что впору явиться с повинной
туда, куда следует мне.
Что это? То ль комплекс Эдипов,
то ль детские страхи, обиды,

а может быть, просто либидо
себя проявляет так — не

поймёшь, ум заходит за разум,
уж лучше бы гикнуться сразу,
вот тут и помянешь Эразма
с его похвалою глупцам.
Что делать? Характер и норов
смири, разбери хлама ворох
в своей голове, мыслей свору
расставив по нужным местам.

Невроз, говоришь? Верь, что сможешь
его одолеть — лезь из кожи,
ладони рви в кровь, но ты должен,
покой обрести, потеряв.
Стремись к исцелению, как Зигфрид
стремился к Брунгильде, — с позиций
теорий их собственных Зигмунд
и Эрик поддержат тебя.

Пусть люди играют в игры
свои — ты в последние вникни:
узнай, что на верхнем, на нижнем
сознаний людском этажах
творится, но сам же при этом
от них отстранён будь, твой метод —
всегда хвост держать пистолетом,
своё же хозяйство — в штанах.

Надумаешь, можешь заняться
анализом игр и транзакций,
приспичит — так девок помацай:
не мальчик уже — тридцать лет, —
тебе ли, распутник, стыдиться, —
когда взгляд на тот самый бицепс

не раз оставлял на их лицах
весьма примечательный след.

Крепись: не потворствуй программам
родительским, больше ни грамма
не пей, а иначе весь график
лечения пойдёт псу под хвост.
Успех, результаты лечения
зависят всегда от терпения,
стремления к успеху, умения
приблизить желанный исход.

Болезнь не прими за признание
в бессилии: расстройство сознания
случается лишь от незнания
работы его — потому
всё, что происходит в подкорке
твоей — через сны, оговорки
познай: ум — сознания орган,
давай же нагрузку уму.

Когда ж ты в реальный мир снова
вернёшься в рассудке здоровом
и скажут тебе: «Здравствуй, Вова,
где ты пропадал, чёрт возьми?!» —
то не возгордись: под вопросом
свобода твоя от невроза
надолго останется — просто
ты к сведению это прими.

Мне кажется, я знал тебя всегда,
задолго до — до твоего рожденья,
до сотворенья мира, до плода,
что стал причиною грехопаденья

для наших прародителей, до дня,
что избран в искупление их долга,
и кажется, что знала ты меня
всегда задолго до меня. Задолго.

Без очков

Мне сквозь астигматическую дымку
почти не видно твоего лица,
как будто носишь шапку-невидимку
ты, но не исчезаешь до конца.

Соединив надёжнее петлиц,
нам помогает ночь уединиться.
...Войска мои, что близ твоих границ,
переступить готовятся границы.

Как эта ночь темна! Но ты – близка!
По некогда условленному знаку
готовы хоть сейчас мои войска
пуститься в долгожданную атаку.

Покинув облюбованный плацдарм,
они в твои ворота хлынут разом
и разобьют свой новый лагерь там,
где только победитель быть обязан!

Но лёгких в этом мире нет побед.
Возможное твоё сопротивление
они быстрее сломят, чем рассвет
застигнет окончание сраженья.

102 608 (1)

Принцесса

Не строй из себя принцессу,
иначе, имей в виду,
для большего интереса
я принца тебе найду.

Потомок высокой крови!
Какой же ему пример
подашь ты, принцесса, кроме
особых своих манер!

Не стоит свой носик морщить
и дуться, срываясь в крик.
Послушай, ну разве может
тебе повстречаться принц?

Мой довод твоих амбиций
не сломит, не разобьёт.
— Я в принца хочу влюбиться!
Я принца достойна! Вот!

Капризы твои прицельно
мне в самое сердце бьют.
Ну что ж, если ты — принцесса,
то я принц тебе — твой шут.

Мне было б смешно гордиться
бубенчиком с колпака.
Принцесса! Я в роли принца
ещё не бывал — пока.

Твой вымысел стал дороже
тебе всех забот в миру.
Я с этой секунды тоже
включаюсь в твою игру.

102 608 (1)

Смотри же! Паяц и клоун,
я сбрасываю колпак
и – Боже! – в обличье новом
стою пред тобой! Ну как,

похож я теперь на принца?
– Как карточный долг – на приз.
...Принцесса, твоих капризов
не вынесет даже принц.

Ты пролонгируешь конфликт,
не хочешь ты со мною мира,
в своих глазах скрывая сырость,
как я — смятение и стыд.

Ты веришь в то, что я вполне
похож на гаера и фата.
И я терплю: так мне и надо!
Хоть этого не надо мне.

Меня преследует твой взгляд,
как Жан Вальжана тень Жавера.
А помнишь, ты меня жалела
так, будто жалостью — казнят?

Сейчас с улыбкой палача
ты в кухне зелень в чашку крошишь
и представляешь, как свой ножик
вонзаешь в грудь мою сплеча!

Пусть на меня сойдёт твой гнев,
испелеля или плавя, —
на это ты имеешь право.
Мне защищаться — права нет.

Для одних тридцать лет – рубеж,
для других – это так, этап.
Ты ещё и хорош, и свеж,
любишь водку, природу, баб.

У тебя ещё сил – вагон,
планов, целей, желаний – тьма,
обожают тебя кругом
все, кого ты не свёл с ума.

Так и жить бы – скопить деньги,
мир познать, где-нибудь осесть...
Только что-то я не могу,
не хочу быть таким, как все.

И любил я, и был любим,
строил планы создать семью.
Но – «Как быть мне с тобой – таким?
Все же разные мы... Адью!»

Так теряют любимых, так
посчиталась судьба со мной.
Или это особый знак,
что назначен мне путь иной?

Тридцать лет, тридцать лет всего!
В чем мой смысл (кто-нибудь ответь!)?
Что бы я осознал его,
нужен пряник мне или плеть?

Я в мирке своём, как в клетке.
Ни великих, ни подлых дел.
...Видно, даже и к тридцати
ни фи́га я не повзрослел.

Когда б мне снова было двадцать лет,
я, как философ или как поэт,
создал трактат иль сочинил сонет
и стал бы популярнее пророка.
Ко мне б не заросла тогда тропа
народная — поклонников толпа
ходила бы за мной, глуха, слепа
ко всем моим причудам и порокам.

Когда б мне снова было двадцать лет,
я, соблюдая такт и этикет,
с любым из сильных мира тет-а-тет
общался бы, как минимум, на равных.
Среди миров в мерцании светил
я б самую большой звездой был,
и мне бы всегда поклоны бил
какой-нибудь любитель истуканов.

Когда б мне снова было двадцать лет,
я полюбил бы живопись, балет,
ходил бы только на зеленый свет
и никогда — на желтый и на красный.
Я стал бы чистоплотным: по утрам,
устраивая в ванной тарарам,
свои б я драил зубы, тут и там
вымазываясь весь зубною пастой.

Когда б мне снова было двадцать лет,
забросил бы я чтение газет
и не курил дешёвых сигарет
и дорогих я тоже не курил бы.
Я б занимался вышивкой, резьбой
по дереву, футболом и борьбой,
и, обрета гармонию с собой,
от Бога удостоился бы нимба.

Когда б мне снова было двадцать лет...
Но времени обратно хода нет,
историю не перепишешь, след,
оставленный в ней, стёртым быть не может.
Пожалуй, лишь в реальности иной
подобное могло бы быть со мной,
но в нашей, преходящей и земной,
мне это вряд ли выпадет...

Вам — тоже.

Чаепитие

Я зажигаю свет на кухне
и, приоткрыв буфета дверцу,
спешу достать оттуда банку
с густым малиновым вареньем,
которое вчера буквально
успел попробовать — осталось
варенья после этой пробы
немного в поллитровой банке.
Я из большой цветной коробки
пакетик с чаем извлекаю
и погружаю разом в кружку
с уже вскипевшею водою,
которую привёл в такое
восторженное состоянье
плод гения научной мысли
и инженерного искусства,
почти что член семьи у многих,
в быту ж холостяков — хозяин
и бог на кухне — кипятильник!
Вот я снимаю с банки крышку
и погружаю в банку ложку
и, до краёв её наполнив,
съедаю порцию варенья
и тут же запиваю чаем,
которым обжигаю губы.
И снова ложку погружаю
я в банку, и, конечно, снова
я обжигаю губы чаем,
когда варенье запиваю.
Так постепенно я всю банку
опустошаю, с нею вместе
и кружку с ароматным чаем,
и наконец-то обретаю
покой и умиротворенье.

НЕЛОВКИЙ ВЗМАХ РУКИ

Дурачок

Личико уткнувши в кулачок,
плачет на базаре дурачок.

С самого рождения – изгой,
он судьбы не ведает другой.

Многие пинком или тычком
выше быть хотят над дурачком.

Только даже в немощи своей
он, быть может, всех ещё умней,

потому что можно ль без ума
в жизни столько вытерпеть дерьма?

Неловкий взмах руки привёл
тебя, похоже, к катастрофе:
летит с подноса чашка с кофе
и с шумом падает под стол.

Случайный жест, напополам
рассёкший неумело воздух!
И, вслед за грохотом, твой возглас
с упрёком к собственным рукам.

Но, умоляю, не спеши
так обвинять себя в промашке,
ведь кофе, пролитый из чашки,
не очернит пятном души.

Проступок твой – один из тех,
за что прощённым был бы каждый!
О, если б в мире этом

так же

прощался нам и больший грех...

Я сотворил себе кумира,
и он — стал женщиной,
она
ругалась матом и курила,
и не бывала мне верна.

Она лгала и притворялась
то равнодушной, то злой,
и спали мы под одеялом
одним, но лишь к спине — спиной.

А я прощал её. Когда бы
шла речь хотя бы о жене!
«Неужто в мире лучшей бабы
ты не найдёшь?» — внушали мне.

Но что мне делать было, если
я сам её такой слепил?
С ней невозможно было — вместе,
а порознь — вовсе выше сил.

Что только рядом нас держало?
Мы пребывали не в клети.
Она во многом, я же — в малом
хотел спасение найти.

И мы, несходство обнаружив
во всём, порвать пытались связь.
И было б так... Но наши души
в том не поддерживали нас.

Людей лишь боль, должно быть, учит
распознавать и страсть, и грех,
вот почему нам наши муки
нужнее наслаждений всех.

Хорошо бы влюбиться,
сердце разледеня,
в курву, шлюху, блудницу,
что не любит меня.

Я не стал бы, как рыцарь,
гнуть в сражение копье!
Это что ещё – биться
с кем-нибудь за неё!

Я и сам не подарок –
тот ещё словоблуд.
Эту шмару на шару
только мне продадут.

Пусть не смеет глумиться
и сопеть от обид –
мой единственный бицепс
за меня постоит!

Меня переехал трамвай.
Валяюсь в разобранном виде.
Вокруг: «Помогите! Спасите!»
И некому молвить: «Вставай!»

На лбу, словно изморозь, пот,
а рядом на шпалы и рельсы
весь мой положительный резус,
меня отрицая, течёт.

Такую кончину мне пред-
сказал хоть один из пророков?
Я в небо уставился оком,
уже не вмещающим свет.

Отныне я мёртвый среди
живых, но не сдавший позиций,
поскольку наличие жизни
являют не гулом груди.

Зеваки, друг друга тесня,
глазеют на труп мой, не зная,
что смерть, как колёса трамвая,
достать не способна меня.

Я мёртвый и, значит, живой,
хоть плоти уже не имею,
и в этом клянусь я своею
отрезанною головой!

Я стреножен, как сетью,
блудный помысл кляня,
будто я в некой секте
или кто-то меня
то ли тайно прельщает,
то ли разом прельстил.
Словно вьюнош прыщавый,
я смиряю свой пыл.

Жар волнами по телу —
гибну я во плоти, —
сколько ж надобно девок,
чтоб рассудок спасти
от звенящей истомы
и томительных чар,
в чьё-то лоно исторгнув
из себя этот жар!

Ширься, адская бездна,
пламя, ярче гори!
Сердцем сколько же бесов
я вскормил изнутри
по неведенью через
исступлённость свою!
Как от выпада в челюсть,
я, шатаюсь, стою.

Греховодник со стажем,
мне ль противиться злу,
если чёрные стражи —
в каждом тёмном углу!
Надо мною — опека
и за мною — догляд,
только отблески пекла
в лицах стылых дрожат.

Я сижу, как пень,
став глупей осла.
У меня весь день
не идут дела.

Всё летит из рук,
чем сильнее держу,
будто пилят сук,
на каком сижу.

Вот такой расклад.
Вот такой разброд.
Не расцвет – распад.
Не приход – расход.

Это как бы дань
за минувший взлёт.
Видно, дело дрянь,
если так не прёт.

Когда-то я, хватая на лету,
усвоил как-то, хоть и было нечем,
что зависть разрушает красоту,
а злоба плохо действует на печень.

С тех пор я виноватых не искал
и избегал по мере сил соблазнов,
и отраженьем встреченных зеркал
я, в целом, одобряем был согласно.

Томясь избытком юности и сил
и пышущий румянцем и здоровьем,
я бит не раз был, только сам — не бил
и клятв не заверял своею кровью.

А ныне, вот — последняя черта:
как ни храни себя от зла и сглаза,
уходят силы, меркнет красота,
дряхлает тело и скудеет разум.

В душе иссякла музыка стиха,
и голосом своим могу теперь я
давать, пожалуй, только «петуха»,
скрывая истрепавшиеся перья.

Поэзия сбежала от меня,
отныне пуст я, словно полость шара,
и радуюсь тому, что не сбежала
ещё хотя б законная жена.

Боюсь, что мне не хватит больше сил
к себе опять привлечь её внимание,
ведь в нашем незаконченном романе
никто не проиграл, не победил.

Поэзия сбежала от меня,
она всё за меня давно решила,
как будто я бездушная машина
иль существо глупей и проще пня.

По сути я – бессмертие само,
но от стыда мне хоть бросайся в петлю:
на заднице горит и ноет пендель –
Поэзии калёное клеймо.

Поэзия сбежала от меня.
А может быть, я сам её покинул?
Языческая гордая богиня,
как жертвенник твой требует огня!

Но если я отныне обречён
искать иного стимула и смысла,
во сне ко мне явись, а будешь сниться –
поговори, как прежде. Ни о чём.

«Снег идёт– в середине марта!» –
я шепчу про себя, как мантру.
Что-то странное, Боже мой, –
снег идёт – как к себе домой!

Снег идёт, будто тот татарин,
будто в космос, спеша, Гагарин.
Никому он не нужен здесь.
Но он всё-таки сыпет. Весь.

Снег идёт – не в обход, не мимо,
удлиняя, похоже, зиму.
Снег идёт, создавая вид,
что он белой стеной стоит.

Снег идёт – вопреки сезону,
как во чрево кита Иона.
Это – падает небосвод:
снег идёт, как не шёл весь год.

Снег идёт – ни к добру ни к худу.
Снег идёт – всею массой, грудой,
не спросив и сводя с ума
тех, кому не мила зима.

Моя жена — поклонник Гитлера.
Умна, талантлива, начитанна,
она судьбу связала с гибельной
идеологией нацисткою.

И вот — теперь находит в свастике
то некий символ, то знамение.
И перелистывает свадебный
альбом наш с новой точки зрения.

Какое счастье тут семейное!
Я завяжу с литературою!
Своими женскими секретами
супруга делится лишь с фюрером.

А я со злобою бессильною
пытаюсь ёрничать, однако ей
он представляется мессиею
не погребённым, не оплаканным.

Вот так ирония истории!
Вот так судьбы злосчастной выверты!
В крови людской и ныне водятся
краснокоричневые вирусы!

У той, кого зову законною
женой, уже смущаясь как бы,
собой все помыслы заполнило —
проникнуть в замысел «Майн Кампфа».

И с облегчением особенным
осознаю (привет, родители!),
что нет еврейской хромосомы
в моём славянском геноме.

Мечтая о всемирной славе,
о благах и правах мессии,
мы забываем, как мы слабы
во всемогуществе и силе.

Топор

— *Что станется в пространстве с топором?*
— *Если попадёт куда подальше, то примется, я думаю, летать вокруг Земли, сам не зная зачем, в виде спутника. Астрономы вычислят восхождение и захождение топора, Гатиук внесёт в календарь, вот и всё.*

Ф.М.Достоевский, «Братья Карамазовы»

Летает по небу топор,
противясь всем догмам науки,
запущенный кем-то на спор,
а может быть, просто от скуки.

Вот он появился вдали,
скользя по наклонной орбите!
За ним наблюдает с земли
слегка озадаченный зритель.

Но, видно, давно топору
наскучило небо земное —
не раз прорубал он дыру
собою в пространство иное.

Блуждая по чуждым мирам,
под звёздами, тоже чужими,
он встречным кивал топорам,
что так же по небу кружили...

...Я тоже, почти как топор,
запущен был в мир этот кем-то,
и всё, что я понял с тех пор,
таил, дожидаясь момента.

Восход мой сменяет закат
и даль искушает иная,
но видеть меня не хотят
и слышать меня не желают.

И бремя проклятых идей
смущает присутствием веским.
...А в небе топор разглядеть
сумел лишь один Достоевский.

Вся планета стонет вновь от бедствий.
Жертв всё больших требует прогресс.
Если цель оправдывает средства,
скоро мы останемся без средств.

Если, как овца,
я Творцом ведом,
то спрошу Творца:
где, скажи, мой дом?

Не в стадах твоих,
не в кругу овец.
Я забыл средь них,
что ты есть, Творец!

Пастырь добрый мой,
нас паси всегда
и веди домой
все свои стада!

Камень

Когда в онтологическом разброде
блуждал наш предок разумом – в природе
увидеть смысла не был он готов,
и потому стихиям и светилам,
как сущностям величественным, было
приписано достоинство богов.

И не было законов или истин,
каких не воплотили б в новый идол
из камня (если б идол тот был нов!),
и шли к нему с кровавыми дарами,
чтоб упросить, умиловить – камень! –
для вящей благосклонности богов.

Низложен был, как есть, научный принцип
и мысль людская тщетно шла на приступ,
увы, несуществующих основ:
мифологемы множились, плодились,
но человек, стараясь, был не в силе
постигнуть все же логику богов.

А боги были смертны, как и все мы.
Бесплодным становилось мифов семя,
воспринимали дети от отцов
иллюзии, что чахли и хирели,
покуда Бог, открывшийся евреям,
не заслонил Собой иных богов.

Всё это – было... Так зачем же ныне,
о, люди, вы блуждаете в пустыне
поверженных языческих столпов
и сызнава своими же руками
возводите бездушный, мёртвый камень,
не отвращаясь этим, в сонм богов?

Догма

Я — православный публицист
и продвигаю в люди догму
о том, что мы когда-то сдохнем,
отбросим, стало быть, концы.

Пожалуй, это смертный грех —
не помышлять о смертном часе,
а он, как зверь, таимый чашей,
подкарауливает — всех.

Готовься к бою, встречи жди,
окрест себя чертя окружность, —
все пули твоего оружия
в твоей окажутся груди.

Почешешь репу, слегонца
взъерошив собственную гриву, —
всё будет так, хоть, прячась, гримом
измажь, как сажей, пол-лица.

А ты решил уже, что смог!
А ты уверовал, что спасся!
Ты — как овца, а смерть — как пастырь,
сзывающий на голос свой.

Себе и я, признаться, лгу,
пытаюсь мысль о смерти сгладить,
но — если можно, Бога ради,
об этом больше — ни гу-гу!

Я мог бы стать добрей и проще,
жить, задыхаясь, на износ,
дабы, как загнанная лошадь,
тащить в конце концов свой воз.

И жизнь моя была б иною,
иными мысли и дела,
и нимб сиял бы надо мною,
а за спиною — два крыла.

Не знаю, лучше или хуже
я был, чем этот идеал,
но если я кому-то нужен,
то лишь таким, каким я стал.

И пусть во мне нет прежней прыти,
желаний, планов, целей, сил,
однако собственной орбите
ни разу я не изменил.

В плену у сделанных открытий,
прозрений, замыслов, идей,
я стал почти как небожитель
в миру для остальных людей.

И приоткрылось мне когда-то
не из пророчеств и кафизм,
что в грешнике сокрыта святость,
а в зле — добро, и в смерти — жизнь.

И в том, что слабостию было
во мненье мудрецов иных,
другую суть узрел я — силу,
для посрамленья мненья их.

Не отвращая от страданий
и боли своего лица,
я будто в тайны мироздания
проникнул в замыслах Творца.

Но что с собой мне делать, чтобы
стать сопричастным им, когда
и целый мир меня, должно быть,
не скроет от Его суда?

Кто б утробу ни пичкал,
а на ней — как клеймо:
чем изысканней пища,
тем вонючей дерьмо.

Не небесная манна,
не неведомый плод —
искушает гурмана
свой урчащий живот.

Это, кажется, козни
сил, неведомых нам:
даже схимник и постник
входит в кухню, как в храм.

Видно, райские кущи
опустели слегка —
в них отныне до кучи
примут лишь едока.

То не голод нас точит
и теснит нищета —
ни единый кусочек
не пройдёт мимо рта.

У меня расстегнулась ширинка,
всё хозяйство моё на виду,
но в неведение или в забвенье
я, лица не теряя, иду.

В голове моей разные мысли,
не смущают ни робость, ни стыд,
а меж тем из проклятой ширинки
кое-что неприлично торчит.

От меня — иногда замечает
мой случайный рассеянный взгляд —
все отводят глаза, но при этом
всё равно на ширинку косят.

Обретая известность худую,
обрастая крамольной молвой,
видно, скоро войду я в легенды,
как какой-то гигант половой.

Непонятно, чем могут другие
привлекать всё внимание масс,
я — лишь тем, что узрит из ширинки
кто-то — в профиль, а кто-то — в анфас.

Никому никакого нет дела
до меня, как служителя Муз, -
интерес вызывает лишь этот,
так сказать, прозаичный конфуз.

Вот и верь после этого в нужность
всех возвращённых тобою идей,
если только предмет из ширинки
потрясает сознание людей.

Я – недалёк. Как говорится,
умом с рожденья вышел слаб.
Бездарность. Бестолочь. Тупица.
Внук обезьяны. Сын осла.

Я сам, досадуя и маясь,
казаться всем спешу умней.
В моём мозгу – одна прямая.
Не знаю, что мне делать с ней.

Иной ночей не спит – гипотез
на две хватило б головы,
а у меня – усов гипофиз
и череп суженный, увы.

В себе я пестую пустотность,
которой ширится объём,
как будто роет яму кто-то
в бездонном черепе моём.

Там тьма раскинута над бездной,
и бездна мглою налита,
как погребённая под пеплом
неопалимого куста.

Я дурашлив, видимо, не в меру,
шутка шуткой, а получишь в лоб.
Сам не знаю, что язык мой мелет,
не язык, а просто помело.

Мне бы уберечься от соблазна,
сдерживать себя по мере сил.
Кажется, злословие – заразно
даже без микробов и бацил.

Ничему меня не учит опыт,
вот и огребаюсь, вертопрах.
Вместо головы, наверно, жопа
на моих насмешливых плечах.

Дубом дуб, а мечу всё туда же –
в племя острословов записных.
Я несносен, если сносит башню
у людей от выпадов моих.

Знаю – не морозит и не выюжит,
если я опять гоню пургу.
С самого рожденья сделать хуже –
лучшее, что сделать я могу.

Если ты иной – брось камень первым,
ссору начиная с мятежа.
Знать, не успокаивает нервы
псу под хвост попавшая вожжа.

Вот ведь уродился, недоносок,
сам большой, хоть ростом вышел мал.
Может быть, молчанье – тоже способ
говорить – для тех, кто всё сказал.

Но моё молчание — не к месту.
В голове — сумятица от слов.
Сам не знаю, что язык мой мелет,
не язык, а просто помело.

Как ни упражняй своё стило,
достаётся, видимо, по блату:
более талантливому – зло,
менее талантливому – благо.

Тот – бездельник, этот – ценит труд,
каждый занимает свою нишу:
более талантливые – пьют,
менее талантливые – едят.

Отстранясь от мелочных забот,
любят, решая вечные вопросы:
более талантливые – пот,
менее талантливые – слёзы.

Выпадет и нам когда-нибудь
видеть за пределом слов и формул:
более талантливому – суть,
менее талантливому – форму.

Вот и пробил час – открыть глаза
на удел души и участь плоти.
Более талантливые – за.
Менее талантливые – против.

Дави, не дави
мир силой и мощью,
а он – без любви
не может, не может!

Хоть к небу лети,
хоть кубарем с выси,
но мы – от любви
зависим, зависим!

Как люди близки –
вне догм и традиций!
И в этом – любви
единство, единство!

Не бойся – гляди
на солнце в зените,
оно – из любви
возникло, возникло!

Душа, как ледник,
истает из плоти, –
так мы – от любви
к любви переходим!

Содержание

Поэт не похож на поэта

Провинциальные поэты	4
«Живёт у нас поэт в Сибири...»	6
«Когда-нибудь и я умру...»	7
«Заскользил лучом рассвет...»	8
«С точки зрения буддизма...»	10
Лечение психоанализом	11
«Мне кажется, я знал тебя всегда...»	14
Без очков	15
«Соединив надёжнее петлиц...»	16
Принцесса	17
«Ты пролонгируешь конфликт...»	19
«Для одних тридцать лет – рубеж...»	20
«Когда б мне снова было двадцать лет...»	21
Часпитие	23
«Поэт не похож на поэта...»	25

Неловкий взмах руки

Дурачок	27
«Неловкий взмах руки привёл...»	28
«Я сотворил себе кумира...»	29
«Хорошо бы влюбиться...»	30
«Меня переехал трамвай...»	31
«Я стреножен, как сетью...»	32
«Я сижу, как пень...»	33
«Когда-то я, хватая на лету...»	34
«Поэзия сбежала от меня...»	35
«"Снег идёт – в середине марта!"...»	36
«Моя жена – поклонник Гитлера...»	37
«Мечтая о всемирной славе...»	38
Топор	39
«Вся планета стонет вновь от бедствий...»	41

«Если, как овца...».....	42
Камень.....	43
Догма.....	44
«Я мог бы стать добрей и проще...».....	45
«Кто б утробу не пичкал...».....	47
«У меня расстегнулась ширинка...».....	48
«Я – недалёк. Как говорится...».....	49
«Я дурашлив, видимо, не в меру...».....	50
«Как не упражняй своё стило...».....	52
«Дави, не дави...».....	53

50 руб. 00 **цена
кол.**

Литературно-художественное издание

Владимир Еранов

Неловкий взмах руки

Книга стихотворений

Редактор-составитель: Д.А. Филиппенко
Компьютерная вёрстка: Д.А. Филиппенко
Корректор: К.М. Уланова
Художник: Н.А. Райц
Автор проекта: Д.А. Филиппенко

12+

Подписано в печать 06.07.2018
Формат 60х84 1/32. Печать офсетная.
Тираж 50 экз. Заказ № 43
Отпечатано в ООО «Синяя Птица» 644052,
г. Омск, ул. 24-я Северная, 165 тел.: (3812)
212-412, e-mail: ofis325@mail.ru
suvenir55.ru

ООО «Синяя Птица»
2018